ПОЛЯРНАЯ ПРАВДА
г. МУРМАНСК
28 АПР. 39

ПУТЬ АКТЕРА

Это был унизительный контракт. Когда Попов взял бумагу, ему показалось, что она жжет руки.

Антрепренер смотрел в сторону, в окно. Ему нужны были актеры, но он знал, что сила и власть на его стороне и что этот молодой человек, с непокорными глазами, волей или неволей подпишет все условия.

— Ну-с. Не волнуйтесь. Фамилию поставьте-с. Захотите и угодите. Все так начинали-с. Таков уж путь русского актера,—медленно, даже снисходительно поучал антрепренер.

Пантелеймон Михайлович не поднимал глаз. У него горели уши. Контракт лежал на столе, и буквы, особенно раздел № 6, расплывались в глазах до огромных размеров афишного шрифта.

«...Мы, нижеподписавшиеся, господин Огранович А. И. и Попов П. М. заключили сей договор в том, что Попов поступает на службу в труппу г. Огрaновича в Луге и обязан исполнять все роли по назначению режиссера, участвовать во всех концертах и дивертисментах, играть одновременно в двух спектаклях, не иметь права участвовать в спектаклях, устраиваемых не г. Огрaновичем». И далее — пункт № 6: «если после третьего дебюта я не буду иметь успеха у публики и г. Огранович найдет, что я не отвечаю его желаниям, он имеет право нарушить договор, не подвергаясь неустойке».

Как было стыдно! Его судьба (и ему это заявляли откровенно), зависила от настроений публики, тупой и безразличной, от сухого, бездушного человека, от доходчивой пошлости бездарных пьесок, в которых предстояло играть.

Играть! Все же играть! Ибо выбор сделан, и творческая жажда перевоплощений уже подсказала давно и бесповоротно, — ты будешь актером. Ибо у него еще до этого первого официального сезона в 1910 году, вместе со свидетельством об окончании Петербургской драматической школы бережно хранилась старая афишка: «11 декабря 1906 года при участии любительского драматического коллектива железнодорожников при депо станции Батайск в пользу общества вспомоществования недостаточных учеников представлено будет «В неравной борьбе». Роль садовника Василия исполнит — П. М. Попов.

И так договор был подписан. И пошла кочевая бесприютная жизнь рядового актера дореволюционной России. Трудная жизнь, воспоминания о которой могут показаться молодому советскому актеру просто неправдоподобными.

С самого начала (и это было наиболее горьким) действительность разбила все мечты, все планы о хорошей пьесе, о настоящей роли. И публика, и антрепренер не требовали Мольера, не тосковали о Шекспире, Островском и Гоголе. В труппе господина Огрaновича, с опустошительной для актера быстротой шли «Контролер спальных вагонов», «Куртизанка разных веков», «Звезда нравственности». Такие же вещи шли в труппе Раева. Здесь фаро «В благородном семействе» сменяла французская борьба с заманчивым сообщением «все борьбы решительные».

Правда, те далекие годы подарили и настоящую радость—недолгую работу сотрудником Московского художественного театра, наложившего печать настоящего творческого искусства на все, что делал Пантелеймон Михайлович Попов. Была зима 1910 года, подарившая во время работы в театре «Интермедий» встречи с крупными поэтами-символистами Белым, Блоком, Брюсовым.

А в основном весь путь — был путь нужды, огорчений, большой моральной неудовлетворенности.

Маленький город Торопец. 41 пивная и 41 церковь — вот его дореволюционные приметы. В этом городе труппе, в которой работал Попов, довелось особенно трудно. Люди здесь коротали время в одуряющей обстановке пивной или в таком же дурмане церкви. В театр никто не ходил. Через месяц сбежал антрепренер, и труппа осталась без всяких средств к существованию. (За 4 месяца того печального сезона Попов заработал 32 рубля).

◆

П. М. ПОПОВ.

◆

Что было делать? Нужна была какая-то особенная встряска, что-то экстраординарное для поднятия дел. И актеры в отчаянии придумали выход. 15 августа 1911 г. жители Торопца были привлечены огромными афишами, выпущенными на последние заложенные платья героини. Афиша гласила:

«Силач Лелкай покажет силовые номера. Разбивает кулаком кирпич, поднимает мизинцем трех человек. Живая игра мускулов. Лелкай покажет 20 поз своего развитого телосложения».

Успех был обеспечен. Силач благосклонно отдал актерам половину сбора, и труппа смогла покинуть город.

Было много трудностей и неохота о них даже в сегодняшний традиционный день воспоминаний говорить. После них были настоящие хорошие годы. Пришел 1917 год и Пантелеймон Михайлович много и плодотворно работал в Василеостровском рабочем театре, где шли «Разбойники», «Вильгельм Телль», «Горе от ума».

Были тревожные годы борьбы за молодую советскую власть, за культуру нового государства. И Попов вместе с подавляющей частью советской интеллигенции, сразу ставшей на сторону революции, многое отдал для создания советского театра. В 1919 году, на Обводном канале в рабочем театре «Просвещение» по-настоящему развернул он свои творческие способности. То был единственный театр крупного рабочего района. Краснопутиловцы, рабочие «Треугольника», фабрики «Веретено», «Госзнаковцы» — вот каков был новый зритель, совсем отличный от публики, которой «потрафляли» частные антрепризы. Это был зритель, который настойчиво и жадно требовал настоящей культуры. За 2 месяца заранее распродавались все билеты на «Гамлета», «Овод», «Горе от ума»; пьесы Горького и Толстого не сходили с репертуара. Многие спектакли давал театр «Просвещение» бойцам, уходившим на фронт. Публика сидела, не раздеваясь, крепко сжимая в руках винтовки, и на исхудалых, взволнованных лицах была настоящая радость, настоящее понимание искусства. Этого зрителя не забыть Попову никогда.

Театр «Просвещение» просуществовал 5 лет. Там же, в «Обрыве» Попов — Викентьев встретился с Марфенькой—Чернышевой, талантливой актрисой, ставшей верной спутницей Пантелеймона Михайловича.

Вот отзыв дирекции и общественности театра «Просвещение», данный Попову после закрытия театра:

«В условиях 1919 трудного года зародился по инициативе Нарвско-петергофского райсовета рабочий театр на окраине города. Никакого сообщения с центром не было, помещение не отапливалось, но вера в дело, в его необходимость заставляла группу актеров неустанно работать. П. М. Попов был и актером, и декоратором, и режиссером, и плотником, делал все для того, чтобы театр существовал.

Затем, работа в театре Мурманской дороги, одном из первых коллективов понесших культуру на отдаленные линейные станции, работа в театре ленинградских моряков, плавание на культбазе, встречи с моряками, грузчиками, механизаторами, неоднократные приезды в Заполярье, где Пантелеймон Михайлович проводит седьмой сезон.

Мурманский зритель хорошо знает одного из лучших актеров своего первого драматического театра. Свеж в памяти веселый и находчивый партизан — трубач Крашенко из пьесы «Терентий Иванович», остроумный слуга Козм — в «Невидимке» Кальдерона, милый Ерофеич — самый удачный из персонажей «Дружбы», жалкий и трогательный Опенкин—из «Обрыва». Каждая из этих ролей сделана убедительно, ярко, талантливо.

За 30 лет своей сценической деятельности Пантелеймон Михайлович сыграл огромное количество ролей. Среди них, наиболее любимые и дорогие на всю жизнь — Лука («На дне»), Аким («Власть тьмы»), Шмага («Без вины виноватые»). Сегодня, в день своего юбилея, Попов играет свою 585 роль.

Маленький человек с эспаньолкой, комедийный актер с трагедийной биографией, чье все имущество умещается в крохотном узелке; человек, бороду и племени Аркашка Счастливцев вместе с другом своим благородным гордым трагиком Несчастливцевы прикуют внимание взволнованного зрителя великой пьесы Островского. Нищие люди с великим богатством ума и сердца будут рассказывать как жилось некогда, в дни темного царства талантливым людям старой России. И в этот волнующий день юбилея в кругу горячих и признательных друзей-зрителей артист Попов воплощающий образ Счастливцева мысленно скажет:

— Здравствуй, Аркашка, друг далекой юности, растерянной в тоске за холустных, дореволюционных городов! И прощай, Аркашка, ибо встреч с тобой возможны только на сцене ибо нет сейчас дремучего темного леса — царство филинов и сов. Н путь советского актера светел, рад стен и почетен.

Р. ТРОЯНКЕР.